

УДК 82.091

ГИБРИДНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Сергей Толкачев

HYBRID IMAGERY IN RUSSIAN AND ENGLISH POSTCOLONIAL LITERATURE

Sergey Tolkachev

The article analyzes stylistic and figurative hybridity phenomena as the main peculiarity of Russian and English prose-writers in the late 20th – early 21st centuries. Modern Russian prose (A. Volos, D. Rubina, S. Aflatuni, A. Khairov, etc.) presents a very interesting and complicated space where different ethnic groups, cultures, languages intersect. Such kind of literature gets similar to a palimpsest – a kind of testing area for enriching the Russian language with borrowings, linguistic interference effects, and hybrid linguistic forms. It also promotes a cultural dialogue between Slavic, Asian and Western civilizations, which is an essential issue in this politically uneasy epoch. In modern English literature one of the most outstanding authors, who practices hybrid imagery, is Salman Rushdie, a prose-writer of the Indo-Pakistan origin (his novels “Midnight Children”, “Shame”, “The Last Moor’s Sigh”, etc.). Taking his creative activity as an example we can put forward a hypothesis that hybridity does not mean erasing or rejecting any set of traditions, but rather highlights the current development of cultural forms, mutual influence of different histories and traditions. Therefore, hybridity does not always mean annulment of a tradition though such a thing may eventually happen. This phenomenon rather represents absorption of one tradition by the others. We argue that the degree and the paradigm of hybridization of customs and traditions vary within a very wide range, depending upon cultural, political and economic circumstances. As a result of this process, a kind of reconciliation between native and foreign forms takes place even at the time when these forms exist independently.

Keywords: multicultural literature, hybridity, creolization, interspatiality, diaspora, threshold value.

Статья посвящена анализу феноменов стилистической и образной гибридности как главной особенности прозы русских и английских писателей рубежа XX–XXI веков. Современная российская и русскоязычная литература (А. Волос, Д. Рубина, С. Афлатуни, А. Хаиров и др.) представляет собой крайне интересное и сложное мультикультурное пространство, в котором пересекаются этносы, культуры, языки, и литература такого порядка начинает представлять собой своеобразный палимпсест, который становится не только экспериментальным полигоном для обогащения русского языка заимствованиями и языковыми интерференциями, гибридными лингвистическими образованиями, но и способствует культурному диалогу между славянскими, азиатскими и западными цивилизациями, столь необходимому в нашу беспокойную в политическом отношении эпоху. В современной английской литературе одним из самых ярких писателей, использующих гибридную образность в своих произведениях, является писатель индопакистанского происхождения Салман Рушди (романы «Дети полуночи», «Стыд», «Последний вздох Мавра» и др.). На примере его творчества можно выдвинуть гипотезу о том, что гибридность не означает стирание или отказ от какого-либо набора традиций, но, скорее, подчеркивает текущее развитие коренных культурных форм, взаимовлияние между различными историями и традициями. Таким образом, гибридность – это не всегда упразднение традиции, хотя такое со временем может случиться. Данный феномен олицетворяет, скорее, вбирание одной традиции другими. Можно сделать предположение, что степень и парадигмы гибридизации традиций и обычаев варьируются в широком диапазоне в зависимости от культурных, политических и экономических обстоятельств. В результате этого процесса происходит своего рода примирение коренных и привнесенных форм, даже в то время, когда эти формы продолжают существовать независимо.

Ключевые слова: мультикультурная литература, гибридность, креолизация, межпространственность, диаспора, пороговость.

Главной особенностью творчества современных писателей, представителей кросс-культурной литературы, становится многослойная гибридность их произведений – жанровая, образная, языковая и стилевая. Всякий намеренный стилистический гибрид, по М. М. Бахтину, «в известной мере диалогизирован. Это значит, что скрестившиеся в нем языки относятся друг к другу как реплики диалога; это – спор языков, спор языковых стилей» [Бахтин, с. 439].

Мультикультурная литература, к которой многие исследователи и критики [Брейнингер], [Кукулин], [Подлесных], [Риндинсбахер], [Глостанова], [Толкачев], [Шафранская, 2008], [Шафранская, 2014], [Шафранская, Пономарева] относят и постсоветскую русскоязычную и российскую литературу, создаваемую на пересечении двух и более культур, имеет прямое отношение к вопросам, связанным с гибридной словесно-творчеством, креолизацией, метисацией, межпространственностью, диаспорами, пороговостью, пересечением и наложением идей и идентичностей, происходящих в постколониальном пространстве. Но по всем этим вопросам существуют достаточно разные мнения.

Пределы, до которых постколониальный мигрантский текст высвечивает понятие гибридности, исследованы в монографии Э. Бёмер, заметившей, что «мигрантский текст является выражением живой гибридности в естественных красках. Именно гибридность становится фактором, придающим значение огромному кругу культурных переводов, которые делают мигранты» [Voemer, с. 234]. В своих работах исследовательница выстраивает следующую связь: от постколониального – через мигрантское – к мультикультурному.

Гибридность художественного пространства на рубеже XX–XXI веков – особенность литературы европейских стран, обладавших колониями, США, Канады, Австралии и, конечно, современной России и постсоветского пространства.

Слово «гибрид» в изначальном смысле, напоминает Р. Янг, – пересечение и частичное слияние двух различных особей, видов, и, следовательно, термин «гибридизация» вызывает в памяти как ботаническое понятие межвидового скрещивания, так и политический «вокабуляр крайне правых викторианской эпохи», которые считали разные расы различными человеческими видами [Young, с. 10]. Однако в постколониальной теории и мультикультурной литературе все нюансы гибридности, имеющие чисто политическое содержание, дезавуируются. В политике, социальной и культурной жизни постоянно фиксировались переходные состояния, отчасти по

причине того, что не все, что происходит в «контактной зоне» между этносами и культурами, подвергается мониторингу и контролю, ибо иногда это происходит в результате преднамеренной колониальной политики.

В некоем смысле гибридность – это черта позднего постмодернизма, и в работах некоторых критиков на Западе появляется термин «не-что иное, нежели постмодернизм» [Palmeri] («other than postmodernism») для описания новейших явлений в литературе и культуре. В таком явлении явно прослеживается тенденция большего притяжения гибридных форм, которые совмещают человека и машину, антропоморфизм и анималистические черты.

Первые годы постсоветского периода, когда катастрофически разрушались прежние границы империи и возникали новые независимые государства со своими культурами и литературами, привели к метаморфозам не только географического пространства, но и к деформации и переплавке этнокультурного поля бывшего Советского Союза. Множество литераторов, пишущих на русском языке, оказались вдруг в чужой стране, но естественным образом сохранили русский в качестве основного языка своего творчества, и при этом их причастность к иному этнокультурному пространству превращала их ментальный мир в кросс-культурный, а их творческая идентичность приобретала черты гибридности. Помимо того, многие жители независимых стран, будучи связанными через русский язык с корневой культурой родины, предпочитали писать на русском. Между тем смешение русскоязычного дискурса и парадигмы иной культуры приводило к созданию произведений, представляющих собой гибридный текст.

В творчестве кросс-культурных писателей качественно преобразуется пространство топоса родного города, «Эдема детства, юности», который также приобретает гибридный характер, будь то «Басква» Афанасия Мамедова («Хазарский ветер»), «Хуррамабад» из одноименного романа А. Волоса или образ Ташкента в творчестве Д. Рубиной. Иногда и образы знакомых нам городов мира становятся гибридными в рамках жанра антиутопии, рождающейся на волне глобализации и столкновений западной и восточной цивилизаций (роман «Мечеть Парижской богоматери» Е. Чудиновой).

Есть и другие важные наблюдения над сущностью гибридности в рамках постколониальной теории. Так, С. Холл определяет этот процесс как поиск «своего рода коллективного „настоящего я“, которое люди с общей историей и предками были способны поддерживать в целостном

состоянии», или поиск «некоей прекрасной эры, существование которой реабилитирует нас и в отношении нас самих, и в отношении к другим» [Hall, с. 394]. Такой поиск был самым существенным для антиколониальной борьбы и для постколониальных идентичностей.

Другой вариант интерпретации проблемы гибридной идентичности заключается в том, что ее можно рассматривать одновременно и как процесс «становления», и как факт «существования». Так, колонизированные народы не могут просто обратиться к прошлому, к идее коллективной доколониальной культуры, которая якобы «ждет своего часа, чтобы ее обнаружили, и которая, будучи вновь обретенной, обеспечит безопасность нашему самоощущению в рамках вечности» [Тлостанова, с. 281]. Гибридность может интерпретироваться как процесс и одновременно как момент гомогенизации, когда чуждые, непохожие друг на друга сущности соединяются и начинают существовать в дополнении друг к другу. В рамках проводимых на Западе исследований гибридность подразумевает следующие элементы: 1) слияние или 2) смесь несочетаемого круга национальностей, религий, этносов, гендеров, классов. Гибридности при этом свойственен синкретический характер, и понятие устойчивости и смысла идентичности постоянно подвергается проверке. Понятие гибридности противостоит «чистому», «аутентичному», «обязательному». Вместо этого подчеркиваются черты «гетерогенности», различия, неизбежность существования «сборной солянки» (смешанности).

В список постсоветских писателей с кросс-культурным гибридным сознанием можно отнести и А. Мелихова («Исповедь еврея»), А. Хаирова («Казань – Курочки», «Одна улица на двоих»), «Ташкентский роман» Евгения Абдуллаева (псевдоним – Сухбат Афлатуни) – о городах реальных или воображаемых, и при этом освоение топоса и некультурного пространства с помощью художественных образов на русском языке приводит к появлению текста-палимпсеста, насыщенного множеством гибридных языковых и этнокультурных образов в художественной ткани произведений.

Без сомнения, в творчестве каждого кросс-культурного писателя картина мира воспринимается прежде всего через призму хронотопов малой родины и более широкого пространства родного языка, культуры, даже если писатель принадлежит не к корневой нации, а проживает в рассеянных по всему миру диаспорах соотечественников, в том числе и русской. В произведениях кросс-культурных писателей постсоветского периода появляются новые, гибридные образы

героев, либо принадлежащие одновременно двум и более культурам, либо вообще превратившиеся в фигуру бездомного, в метафору «перекачиполе» – человека без корней, космополита, гражданина мира, часть нового порядка – социально-культурного и образовательного. В связи с этим герои таких произведений переживают свою идентичность как разъятую, не в силах ни идентифицировать себя с новой этнокультурной реальностью, ни восстановить старые связи с метрополией, то есть с историческим ядром России. Таким образом, метафора «бездомности», «внезаходности» становится для подобных персонажей зерном, вокруг которого кристаллизуется новая гибридная идентичность. При этом кросс-культурные авторы «проговариваются» о том, что выходом из той пиковой ситуации для них становится изменение и превращение национального в мультикультурное.

Так, известный исследователь М. Тлостанова совершенно справедливо считает, что «в „нигдежности“ транскультурных писателей слилось сразу несколько важных элементов – диаспора и изгнание, иммиграция и исход, внедомность и порой парадоксальные попытки ретерриторизации. Ведь место – это не просто пространство, топографическое местонахождение, но и образ жизни в его материальных и духовных проявлениях» [Там же, с. 243]. Такие писатели, по существу, обречены на внутреннее изгнание, бездомность, и такое состояние заставляет их быть в непрерывном движении и поиске, и существование внутреннего мира писателя и его художественного мира отмечены метафорой постоянного поиска своего родного уголка, который, конечно, располагается не в конкретных географических координатах, а в некоем экзистенциальном пространстве души. Именно поэтому, отмечает М. Тлостанова, «бесчисленные варианты метафоры изгнания и безместности особенно интересны в тех случаях, когда авторы заостряют внимание на онтологическом и экзистенциальном аспектах этой проблемы, когда происходит не только географический сдвиг, но и часто не добровольное движение от одной системы ценностей и дискурсов к другой в форме внутренней миграции или насильственно навязанного иммигрантского статуса» [Там же]. Этот важный фактор отличает многих героев постсоветских кросс-культурных произведений.

Так, в романе А. Волоса «Хуррамабад» [Волос] признаком такой гибридности становится топос города, прообразом которого, конечно же, является Душанбе. Но этот город и узнаваем, благодаря знакомым нам по истории 1990-х годов страшным годам гражданской войны, и дос-

таточно экзотичен в силу ориентализированного взгляда повествователя, сознание которого пропускает этот образ сквозь фильтры восточного фольклора и сказок «Тысячи и одной ночи». Ориенталистский дискурс проявляется в произведении А. Волоса через гибридный язык: в тексте присутствует большое количество таджикских слов и реалий, транслитерируемых кириллицей. Кроме того, в конце романа присутствует глоссарий незнакомых русскому читателю таджикских лексем, разъясняющих суть инокультурных реалий, но присутствие такого глоссария придает еще большую экзотичность произведению российского писателя.

Хронотоп Хуррамабада предстает перед нами в своем гибридном облике через столкновение пространства сознания и языка русских жителей Таджикистана с культурой, обычаями коренных таджиков, для которых русские во время войны становятся недругами. «Город счастья» и интернациональной дружбы превращается в место насилия и мародерства. Особое значение в произведении А. Волоса приобретает экзистенциальный образ дома и малой родины, которая для русских, проживавших там десятилетиями и считавших этот уголок земли родным, оборачивается неким подобием ада на земле. Так или иначе, эта тема обыгрывается в различных сюжетах романа, состоящего из серии рассказов, объединенных общим образом Хуррамабада. В рассказе «Чужой» герой, русский по происхождению, собирается уехать из ставшего ему родным Таджикистана, причем Россия рисуется им в сознании как холодное и чужое пространство.

Герой рассказа «Дом у реки», напротив, не может расстаться со своим домом, построенным в Таджикистане, несмотря на всю опасность проживания в этой стране в условиях гражданской войны: столько сердца и материальных средств он вложил в свое жилище. В новелле «Свой» перед нами герой, также по происхождению русский, явно испытавший влияние на свой русский язык таджикского, в силу чего его идентичность становится гибридной. Герой, специально приехавший из России, чтобы выучить таджикский язык и сделать эту страну своей второй родиной, действительно ассимилируется и превращается в «русского таджика» (или в «таджикского русского?»), и когда его хватают бандиты и заставляют прочитать детское стихотворение, чтобы проверить его происхождение, то в нем признают не таджика, а врага – кулябца, но не русского. Герой умирает со счастливой мыслью о том, что его приняли за «своего».

Подобные примеры гибридности и мультикультурной эстетики можно наблюдать в произ-

ведениях других российских писателей и литераторов постсоветского пространства: таджика Тимура Зульфикарова, осетина Орлана Черче сова, бухарца Тимура Палатова, чеченца Германа Садилова, азербайджанца Саида Агеева, россиянки Алисы Ганиевой, родиной которой является Дагестан, и многих других.

Таким образом, современная российская и русскоязычная литература представляет собой крайне интересное и сложное мультикультурное пространство, в котором пересекаются этносы, культуры, языки, и литература такого порядка начинает представлять собой своеобразный палимпсест, который становится не только экспериментальным полигоном для обогащения русского языка заимствованиями и языковыми интерференциями, гибридными лингвистическими образованиями, но и способствует культурному диалогу между славянскими, азиатскими и западными цивилизациями, столь необходимому в нашу беспокойную в политическом отношении эпоху.

В современной британской литературе одним из самых ярких писателей, использующих гибридную образность в своих произведениях является английский писатель индопакистанского происхождения Салман Рушди. Так, в его романе «Дети полуночи» герой по имени Салим Синай делает попытку написать историю своей жизни, но вскоре понимает, что процесс историографического воспроизведения прошлого во многом напоминает маринование, заквашивание или изготовление острых блюд с индийским соусом «чатни». Более того, Салим рассуждает:

Существует также вопрос о составе этих специй. Сложности куркумы, тонкость шамбалы, доля кардамона; мириады возможных эффектов от добавления чеснока, корицы, кориандра, хмеля [Rushdie, 1981, с. 549].

Способность «просачивания» становится частью характера самого Салима в ходе развития сюжета.

Вещи как люди, – говорит он Падме, – они склонны просачиваться друг в друга [Там же, с. 38].

Как только вещи и люди просочились в Салима, он отмечает:

И рыбаки, и Катарина из Браганцы, и кокосовый рис Мумбадеви; и статуя Сиваджи, и поместье Метуолда; и плавательный бассейн в форме Британской Индии, и двухэтажный холмик, и расставание с центром, и нос от Бержерака, и сломанные часы на часовой башне, и маленькая цирковая арена, и страсть англичанина к индийской аллегории и соблазнение же-

ны аккордеониста, и веера, свешивающиеся с потолка, и «Таймс оф Индия» – все это часть того багажа, который я принес в этот мир. Иисус влился в меня, и отчаяние Мэри, и революционная дикость Джозефа, и летучесть Алисы Перейры – все это создало меня [Там же, с. 126].

Размышляя о своей собственной идентичности как писателя в книге «Воображаемая родина», С. Рушди пишет: «Как многие миллионы людей, я – незаконнорожденное дитя истории. Может быть, мы все, черные, коричневые и белые, просачиваемся один в другого» [Rushdie, 1991, с. 394]. Понятие просачивания, как уже было сказано, идентифицируется с центральной метафорой «Детей полуночи» – «чатнификацией». Попытка Салима описать себя, чтобы сохранить свою идентичность для истории, сравнивается с процессом засолки:

Чатнификация истории; огромная надежда на чатнификацию времени! Я достиг конца моей широко распахнувшейся биографии; в словах и соленьях я обессмертил свою память [Rushdie, 1981, с. 548].

Подобно этому, по замыслу С. Рушди, процесс вживания жизни героя в рамки нарратива влечет за собой слияние фрагментов памяти, идей, людей и их мыслей. Сознание героя обретает способность продуцировать некий вариант истории только лишь посредством смешения фрагментов раздробленной, разъятой памяти. Недаром каждая глава романа символически становится «горшочком для засолки»:

Каждый горшок для соления содержит, однако, самую возвышенную из всех возможностей: возможность чатнификации истории. Великая надежда засолки времени! У меня, однако, есть уже засоленные главы. Я дошел до конца своей автобиографии, у которой выросли длинные крылья. В словах и соленьях я обессмертил свою память [Там же, с. 548].

Важно отметить, что, по замыслу автора, память Салима, обретая бессмертие, сохраняется навсегда. Происходит своего рода маринование маринада. С одной стороны, понятие чатнификации подразумевает перемену. В то же время С. Рушди использует тот же самый образ диалектически мобильного процесса «чатнификации» в противостоящей коннотации сохранения. Сама метафора «маринования» становится гибридной конструкцией конфликтующих образов сохранения и перемены.

Один из признаков мультикультурной прозы заключается в попытке автора противостоять западным версиям реальности и «приписывать» новым образам независимые идентичности вместо

того, чтобы «воспроизводить» их. Поскольку невозможно создать национальный дискурс, полностью независимый от западного колониализма, главным следствием возникновения мультикультурной литературы становится размывание западного колониального дискурса. Анализ показывает, что гибридизация – это процесс, в котором не только колонизатор оказывает силовое влияние на туземца, но также и туземец влияет на колонизатора, что открывает дорогу новым культурным и нарративным образованиям.

Для иллюстрации мультикультурной гибридности показателен образ британца Уильяма Метуолда в «Детях полуночи», который носит парик и заставляет индийцев соблюдать установленный ритуал «файв-о-клоков» и коктейлей и настаивает на том, чтобы «туземцы» сохраняли собственность британских владений до наступления часа «X» – обретения независимости. В то же время Метуолд, несмотря на всю свою «английскость», использует индийские слова и выражения в процессе общения с семьей Синай. В свою очередь Ахмед Синай в присутствии англичанина говорит голосом, который стал «отвратительной насмешкой над оксфордской манерно-медлительной речью» [Там же, с. 110]. Таким образом, и англичанин, и индеец отражают и перенимают характеристики противостоящей культуры. Возможно, именно в этом столкновении между британским и индийским, между западным и восточным наилучшим образом определяется понятие мультикультурной гибридности.

Гибридность не означает стирание или отказ от какого-либо набора традиций, но, скорее, как показывают исследования Э. Братуэйта по креолизации и мультикультурализму, подчеркивает текущее развитие коренных культурных форм, взаимовлияние между различными историями и традициями [Brathwaite]. Таким образом, гибридность – это не всегда стирание традиции, хотя такое со временем может случиться. Данный феномен олицетворяет, скорее, вбирание одной традиции другими. Можно сделать предположение, что степень и парадигмы гибридизации традиций и обычаев варьируются в широком диапазоне в зависимости от культурных, политических и экономических обстоятельств. В результате этого процесса происходит своего рода примирение коренных и привнесенных форм, даже в то время, когда эти формы продолжают существовать независимо. Например, в Индии и Пакистане устные традиции декламации писаний, сказаний и генеалогий сосуществуют наряду с письменной традицией до нынешнего времени.

Во всех прозаических произведениях С. Рушди просматривается тенденция слияния различ-

ных аспектов западной и восточной литературных традиций. Определенные характеры без сомнения смоделированы на основе известных персонажей и типов из классической английской литературы. Например, в образе Салима Синая явно прослеживаются черты героя Стерна Тристрама Шенди. Сюжет «Детей полуночи» и способность каждого представителя этого магического поколения индийцев общаться на телепатическом уровне – очевидное влияние английского готического романа.

Произведения С. Рушди – воплощение мультикультурной гибридности, поскольку наиболее явно становятся интертекстуальной контаминацией, воплощающей самые разные литературные традиции. Гибридность в прозе С. Рушди – не просто некое неизбежное и отчасти якобы маргинальное явление. Важно отметить, что гибридность, произведенная на свет в результате смешения, пародирования и заимствования, приобретает временами такой взрывной, разрушительный характер, что она превращается в мощную форму сопротивления не только западной эпистемологии, но также господствующим идеологиям субконтинента.

Переосмысляя опыт предшественников в поиске новых изобразительных средств, С. Рушди как писатель-мультикультуралит противопоставляет систему наиболее глубоких человеческих убеждений и верований альтернативным интерпретациям, так что в результате все позиции и контексты остаются диалектически противоречивыми. С одной стороны, писатель подтверждает источники и контексты заимствований, с другой – проза переиначивает тот же самый контекст, децентрализуя его и изменяя. Следует, однако, помнить, что цель пересмотра языка, концептов, нарративных стилей и так далее – не просто заменить господствующую версию точкой зрения подчиненных меньшинств. Вместо сосредоточения на процессе замены как стратегии, имеющей относительные возможности, более продуктивным ходом действительно оказывается пересмотр через толкование гибридности (гибридную интерпретацию), которая выносит понятия межкультурных коммуникаций на другой уровень художественного обобщения.

Можно рассмотреть различные примеры влияний, которые становятся составляющими гибридной прозы С. Рушди. Парадигмы мультикультурной гибридности можно проследить на всех уровнях произведений писателя: композиции, стиля, характеров, языка. Контуры западной культуры, органично вписанные в восточный орнамент, необходимо прочитывать не только как миметическую попытку мультикультурного пи-

сателя включить свое творчество в рамки английской традиции, но, скорее, как литературный ответ, который провозглашает новый язык, иную реальность, альтернативный взгляд на мир.

Раскодирование» идентичности героев мультикультурных произведений происходит на фоне «игры» памяти и нарратива, слияния массового и элитарного, гибридного мира как универсума, представляющего собой в восприятии писателей коллаж приграничных этнокультурных пространств со свойственной им гиперболизацией смешанности, сплавления, взаимного культурного «опыления». В то же время становится ясно, что гибридность (М. М. Бахтин, Э. Саид, Х. Бхаба) языка мультикультурного пространства – явление гораздо более широкое и в географическом, и в темпоральном плане, поскольку является, очевидно, имманентным свойством культуры, существующей во всем многообразии национальных вариантов. Основой для возникновения «мультиформ» и «мультиобразов» становятся заимствования и интертекстуальность как составляющие гибридной прозы, двойничество сознания мультикультурного автора и его героя-повествователя, расщепленность восприятия мира как отражение сложной, «переходной» системы взглядов мультикультурного писателя. Важно отметить, что главным признаком гибридности на уровне идентичности героев становится возникновение и самовыявление в системе художественных образов так называемой «переходной» идентичности или «идентичности-через-дефис», которая становится стимулом для продуктивного процесса гомогенизации противоположностей, свойственных современному западному миру (Англии, прежде всего) как универсальному диаспорному континууму. Поскольку сущность этого феномена выявляется с наибольшей глубиной в рамках идеального, художественного языка (хотя научные достижения в этом плане также впечатляющи), мы находим за собой право говорить не о гибридности характера как такового, а о метафоре гибридной идентичности, которая наиболее объективно на сей момент транслирует внутреннюю структуру комплексных сущностей, проходящих процесс становления.

Список литературы

- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Брейнингер О.* Безмолвный протест // Октябрь. 2012. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/10/b7.html> (дата обращения: 20.05.2017).
- Волос А.* Хуррамабад. М.: Независимая газета, 2000. 432 с.

Кукулин И. В. «Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000 годов // Политическая концептология. 2013. № 2. URL: <http://gefeter.ru/archive/11708> (дата обращения: 20.05.2017).

Подлесных А. С. Постколониальные тенденции в уральском историческом романе / А. С. Подлесных // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2007. № 53, вып. 14. С. 231–235.

Риндинсбахер Х. Воображаемые и реальные путешествия Владимира Каминера // НЛО. 2006. № 82. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/ri25.html> (дата обращения: 20.05.2017).

Тлостанова М. В. Жить никогда, писать неоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М.: УРСС, 2004. 416 с.

Толкачев С. П. Мультикультурный контекст современного английского романа: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2003. 380 с.

Шафранская Э. Ф. Мифология Казани в прозе Аделя Хайрова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2014. № 1. С. 95–103.

Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика иноэтнoкультурного текста в русской прозе XX–XXI вв.: дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2008. 482 с.

Шафранская Э. Ф., Пономарева Т. М. Ориенталистские и постколониальные мотивы в современной литературе: «На солнечной стороне улицы» Дины Рубиной и «Нас там нет» Ларисы Бай // Русская словесность. 2014. № 1. С. 34–42.

Boehmer E. Colonial and Postcolonial Theory. Oxford, 1995. 234 p.

Brathwaite E. Creolization in Jamaica // The Post-Colonial Reader, B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin, eds. New York, 1995. P. 202–205.

Hall S. Cultural Identity and Diaspora // P. Williams and L. Chrisman (eds.). Colonial Discourse and Postcolonial Theory. New York, 1994. 394 p.

Palmeri F. Other than Postmodern? – Foucault, Pynchon, Hybridity, Ethics. Miami, 2001. 120 p.

Rushdie S. Imaginary Homelands. L., 1991. 394 p.

Rushdie S. Midnight's Children. L., 1981. 549 p.

Young R. Colonial Desire: Hybridity in Theory', Culture and Race. L., 1995. 236 p.

octor/2012/10/b7.html (accessed: 20.05.2017). (In Russian)

Hall, S. (1994). *Cultural Identity and Diaspora*. P. Williams and L. Chrisman (eds.). Colonial Discourse and Postcolonial Theory. 394 p. New York. (In English)

Kukulin, I. V. (2013). "Vnutrenniaia postkolonizatsiia": formirovanie postkolonial'nogo soznaniia v russkoi literature 1970–2000 godov [Inner Postcolonization: Formation of Postcolonial Consciousness in Russian Literature of 1970–2000] Politicheskaiia kontseptologiiia, No. 2. <http://gefeter.ru/archive/11708>. (accessed: 20.05.2017). (In Russian)

Palmeri, F. (2001). *Other than Postmodern? – Foucault, Pynchon, Hybridity, Ethics*. 120 p. Miami. (In English)

Podlesnykh, A. S. (2007). *Postkolonial'nye tendencii v ural'skom istoricheskom romane* [Postcolonial Tendencies in the Ural Historical Novel]. A. S. Podlesnykh. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki, No. 53, vyp. 14, pp. 231–235. (In Russian)

Rindinsbakher, X. (2006). *Voobrazhaemye i real'nye puteshestviia Vladimira Kamинера* [Imaginary and Real Travels of Vladimir Kaminer]. NLO, No. 82 URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/ri25.html> (accessed: 20.05.2017). (In Russian)

Rushdie, S. (1991). *Imaginary Homelands*. 394 p. London. (In English)

Rushdie, S. (1981). *Midnight's Children*. 549 p. London. (In English)

Shafranskaia, E. F. (2014). *Mifologiiia Kazani v proze Adelia Khairova* [Mythology of Kazan in Adel Rhairov's Prose.] Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo u niversiteta, No.1, pp. 95–103. (In Russian)

Shafranskaia, E. F. (2008). *Mifopoehtika inoetnokul'turnogo teksta v russkoi proze XX–XXI vv.*: dis. ... dokt. filol. nauk. [Mythopoetics of the Alien Cultural Text in Russian Prose of the 20th – 21st Centuries: Doctoral Thesis]. 482 p. Volgograd. (In Russian)

Shafranskaia, E. F., Ponomareva T. M. (2014). *Orientalistskie i postkolonial'nye motivy v sovremennoi literature* [Oriental and Postcolonial Motifs in Modern Literature]. Russkaia slovesnost', No. 1, pp. 34–42. (In Russian)

Tlostanova, M. V. (2004). *Zhit' nikogda, pisat' neotkuda. Postsovetstvaia literatura i ehstetika transkul'turat-sii* [Live Nowhen, Write from Nowhere. Postsoviet Literature and Aesthetics of Transculturation]. 416 p. Moscow, URSS. (In Russian)

Tolkachev, S. P. (2003). *Mul'tikul'turnyi kontekst sovremenno go angliiskogo romana*: dis. ... dokt. filol. nauk [Multicultural Context of the Modern English Novel: Doctoral Thesis]. 380 p. Moscow. (In Russian)

Volos, A. (2000). *Khurramabad* [Hurraramabad]. 432 p. Moscow, Nezavisimaia gazeta. (In Russian)

Young, R. (1995). *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race*. 236 p. London. (In English)

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Aesthetics]. 504 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Boehmer, E. (1995). *Colonial and Postcolonial Theory*. 234 p. Oxford. (In English)

Brathwaite, E. (1995). *Creolization in Jamaica*. The Post-Colonial Reader, B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin, eds. Pp. 202–205. New York. (In English)

Breining, O. (2012). *Bezmolvnyi protest* [A Silent Protest] Oktiabr', No. 10. URL: <http://magazines.russ.ru/>

The article was submitted on 22.05.2017
Поступила в редакцию 22.05.2017

Толкачев Сергей Петрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Литературный институт
имени А. М. Горького,
123104, Россия, Москва,
Тверской бульвар, 25.
stolkachov@yandex.ru

Tolkachev Sergey Petrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
The Literature Institute
named after A. M. Gorky,
25 Tverskoy Blv.,
Moscow, 123104, Russian Federation.
stolkachov@yandex.ru